

Ростислав Пензев

Карповая Диета

Собрание сочинений

16+

Ростислав Пензев
Карповая Диета

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пензев Р. К.

Карповая Диета / Р. К. Пензев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Собрание сочинений, написанных мной за несколько лет.

Рассказчик никогда не плачет. Он лишь скромный застенчивый наблюдатель, но никогда не участник в вашем празднике жизни. Порой он грустит, порой мечется из стороны в сторону в порывах страсти, но большую часть времени все же равнодушно слушает, смотрит, конспектирует. Вся его постыдная деятельность бредёт вдоль металлической спирали, с каждым мотком уводящей все глубже и глубже в беспамятное безумство, пока однажды оно не оборвется на половине пути от пули, молотка или какой-нибудь болезни. Так, овивая блестящие круги, и проходит его многолетняя творческая жизнь, ведь книги и только книги тоже своего рода дети, которые должны зачатся, увидеть свет, состариться и умереть.

Когда я пишу, я перестаю существовать и это радует меня более, чем всё остальное.

Когда подходит время нового витка, витка падения или кризиса, рождаются несвязные куски текста, полные маниакальных слов и идей, страшные в своем унынии и нищете. Затем, тон повествования меняется, и на пике рождается истинный шедевр; с ликующей детской физиономией. Но, однако, и скорби в нем нет места. Рассказчик равнодушен к каждой смерти, однако тени убитых часто навещают его по ночам.

Ваш рассказчик никогда не плачет, потому что мир не стоит того, чтобы его оплакивать.

Введение в предстоящее

Согретые утром, они вдвоем сидели на горе, что больше была похожа на мусорный холм или поросший травой, горб древнего гиганта. Гиганта, память о котором давно исчезла за пеленой более значимых событий.

– Секс и деньги нужны нам лишь затем, Френки, чтобы не думать о них какое-то время. Они не имеют настоящей ценности, просто другие решили возвести их в культ и рассказать об этом всем вокруг. В них только наша свобода от физиологии.

– Это и так очевидно. Но освободиться полностью ни вы и ни я были бы не в состоянии, хотя бы потому, что нам нравятся наши оковы.

По дереву рядом пробежала белочка. Она смотрела вниз, тяжело насупив брови и подныряв к солнцу рыжие густые усы.

– Да, я вот думаю, – Френки сморщил нос в сомнениях. – Не уверен, что хочу сказать. Помните, когда вы еще преподавали на кафедре, у вас была такая миленькая студентка? Как её звали?

– Кажется, припоминаю. Она ещё всегда ходила в черном и малиновом. Припоминаю, припоминаю. Она всегда садилась за первую парту, внимательно записывала каждое слово. Ну, и к чему ты клонишь?

– А я помню, как она садилась не за первую парту, а на стол в вашей преподавательской. Интересно.

Пожилый мужчина посмотрел на собеседника, вскинув взор над сползшими к носу очками. Его румяное, изнеженное морщинами лицо изменилось, выдав на суд собеседника легкую, почти доброжелательную улыбку.

– Ты решил подшутить, или твои манеры сами вдруг решили дать сбой? Я не считаю, что ты хотел бы говорить об этом со мной. Хотя лекция получилась бы весьма занимательная.

Они оба звонко рассмеялись. Погода на улице стояла замечательная. Уже несколько дней на небе не виднелось ни облачка. Голубое небо принимало самые поразительные оттенки, успокаивало, разрешало сидеть под ним часами без остановки, вести глупые, а порой не очень, разговоры. Город стоял неподалеку. С горы, на которой сидели друзья, можно было легко разглядеть несколько кварталов, которые толстопузой змеей растянулись с востока на запад.

– Бабочки, мистер Милль. Они же красивые, как я полагаю?

– Несомненно. Ты решил поспорить?

– Достаточное ли оно основание, для того чтобы я чувствовал эстетическое удовольствие? Они ведь всего лишь такой же кусочек действительности, как и всё остальное вокруг, – он взял небольшой камешек в руку, – вот, например, камень. Он такая же часть странной и

непонятной природы, как и бабочка. Почему мы считаем, что красива именно она, а не, например, этот камень?

– Ты хочешь сказать, что мы в нашем непонятном сравнении не замечаем красоты обычных вещей, окружающих нас, наполняющих все вокруг той действительностью, до которой просто невозможно дотянуться, хотя бы приблизиться?

– Вы не поняли. Я не об этом. Как мы вообще решили, что красива именно разноцветная бабочка, а не серый камень? Причем, как я понимаю, все вокруг склонный к этому мнению. Почему для нас какое-то нелепое насекомое лучше, нежели твердый камень, из которого мы строим дом, собираем костер. Разве его свойства для нас не величественнее и краше глупой бабочки?

Камень из руки отправился в полет. Вниз, к подножию соседнего холма, к ногам угрюмого и бездыханного титана.

– Не всё всегда можно определить полезностью, мой друг.

Человек постарше вынул из кармана желтоватую блеклую пачку с сигаретами. Не было никакой уверенности в завтрашнем дне. Снова и снова помирающее на западе солнце медленно заходило за горизонт, растворяясь в объятиях зеленеющих сопок, не оставляя никаких гарантий на новое возвращение. Двое старых знакомых сидели на вершине горы, смотрели вперед на бушующую бездну из летних красок в ожидании чуда. Никто в ответ на них не смотрел.

– Бабочка красива, пока жива. Пока в этом крошечном создании еще не угасла жизнь, она способна приносить нам радость и покой. И очень скоро она сгинет. Мимолетность её жизни ценнее и ярче видится нам, чем все возможные цвета. А что же камень? Он лежал здесь очень давно, пролежит ещё столько же. Разве в своем постоянстве он не нагоняет скуку?

– Скорее нет, чем да. Жизнь бабочки ценна своей скорой кончиной, иначе бы и вовсе не было никакой жизни, никакого в нем значения. Никакой красоты. Но незыблемое все же прекрасней, как и любое произведение искусства.

– И ведь красота тоже создается. У неё должно быть начало, должен быть конец. Она не априорна, в ней многое спорно, многое не ясно и может интерпретироваться по-разному. В этом и смысл искусства как такового: оно не обязано что-либо нам нести, мы лишь обязаны пытаться что-либо из него черпать.

– А вы не думали, что мы судим об искусстве во многом от того, кто готов его поглощать? Почему бабочка так красива? Потому что многие, считают ее таковой, а многие, к сожалению или к счастью, вовсе не способны о чем-то верно судить.

– И потому, мы необычайно предвзяты ко всякому искусству. Ведь судим ли мы лишь само произведение без отрыва от автора и аудитории? Возможно, некоторые фильмы Стенли Кубрика слишком плохи, однако мы не способны это увидеть, ведь их создал Стенли Кубрик, а аудитория превознесла его до небес.

– Я понимаю, о чем вы. Однако я не уверен, что мы вообще способны дотянуться до чего-то, хотя бы на цент дороже нашей глупой жизни.

Пламенеющий солнечный диск застыл, так и не погаснув за горизонтом. Старцы сидели на горе, пили остывший чай из блестящего термоса, курили, вспоминали то, что было и давно прошло. Не было никакой необходимости обращаться к старшему во множественном числе, однако что когда-то не было искоренено уже стало привычкой.

– Искусство. Творчество. Созидание. Они дороже. Они ценны сами по себе, поскольку являются закономерным продолжением нашей мимолетной жизни. Однажды мы умрем. Умрет наш мозг, наше тело, но наши мысли, идеи останутся жить в веках, находя новое воплощение снова и снова.

– Есть более простые способы избежать смерти. Вы могли бы оставить потомство, упиваться своими короткими часами в героиновых колодцах. Почему нет?

Мистер Милль наконец поджег свою сигарету, что слишком долго вертелась вокруг его пальцев.

– Не получится. Появление одного такого нового человека, неважно невинного ребенка или гедониста наркомана, приведет неизбежно к гибели другого.

– Кого же? Я вижу только вас сейчас.

– Я умираю, когда сажусь за письменный стол. По понедельникам я музыкант, во вторник – пьяница, к середине недели схожу с ума. В четверг я врач собственных недугов, в пятницу – уличный повеса. В субботу окружающий мир перестает казаться слишком реальным, а в воскресенье рождается новый рассказ. Рождение одного ведет неизменно к гибели другого.

Наступило несколько мгновений молчания.

– Бабочка прекрасна, мистер Милль, потому что от самого начала и до самого конца она и есть бабочка.

– Да, дорогой друг. Я думаю, вы совершенно правы.

Дорогой друг развел руки, замер на пару секунд. Затем последовал хлопок. Поверженное насекомое упало ниц, свернув свои крылышки в маленький цветной клубок.

Может и вовсе никогда не думать? Отчего в нас такая странная, порой невыносимая тяга к иллюзиям? Ведь и кино, и книги, и живопись, в конечном счете, даны неразумным нам, чтобы спрятаться. Не глядеть на себя в одиночестве, не видеть того слабого, некрасивого, что в полной мере представляем только мы о себе. Гнать все мысли прочь, может тогда однажды они и вовсе не осмелятся к нам подойти.

Города из свечек

– Всегда хотел оказаться поближе к звездам. Может, это и не было никогда моей мечтой, но всякий раз, когда я поднимаю голову к небу, мне кажется, что оно меня скоро раздавит...

– Трудно с таким не согласиться. Кажется, мой сын когда-то записал об этом аудиокнигу. Ее так и не издали. Скажите, а зачем вы оказались тут на самом деле?

– Ах, ну да... Вот, поглядите на скамью слева от вас. На ней моя будущая жена.

Мужчина в шляпе бросил взгляд в сторону. Затем мило улыбнулся и одобрительно кивнул. Здание космодрома молча дремало.

– Теперь понимаю. Вы, наверное, собираетесь на луну?

– Исключительно верно, мой друг. Она хочет ребенка, ну или может собаку... Сама не решила, наверное, – он протер рукавом мокрый от пота лоб, – Впрочем, не важно, не важно. Я тут немного переволновался. Вы когда-нибудь бывали в космосе?

– Так же часто, как вы признаетесь вашей женщине в любви.

– И откуда вам знать... Возможно вы не были там ни разу и сейчас лишь тратите мое время, которое мне, впрочем, и так некуда девать.

– Откуда, откуда, – недовольно пробурчал мужчина в шляпе, – Это же не я собираюсь сваливать с планеты, чтобы жениться на обычной женщине. Поэтому утверждаю, что бывал в космосе безмерное число раз.

– Ну не совсем же она обычная. Долгое время я думал и не мог определиться, что же завораживает меня сильнее: она или огромное ничто над моим домом. Стало интересно, как выглядит космическое ничто...

– Прекрасно. Оно выглядит прекрасно, хотя является на самом деле для нас всем, а не ничем. Даже мы в какой-то мере часть безликого космоса, – мужчина ненадолго замолчал.

– Что-то не так?

– Знаете, первые пять раз огромное звездное полотно действительно утягивает тебя с головой. Потом привыкаешь. Однако забыть, как выглядела Земля тогда, в самый первый мой раз...

– Вы поделитесь?

– Да, почему нет. Знаете, оттуда все выглядит совершенно ничтожным, маленьким. Все темные ночные уголки планеты загораются у вас на глазах. Затем тухнут, как старые восковые свечи, чтобы потом новые могли загореться на их месте.

Солнце томительно долго опускалось за горизонт. Через пару минут должен был начаться первый запуск. Люди сидели на стеклянных скамейках под покровом не менее стеклянного купола и ждали, когда на огромной электронной панели высветится крошечными цифрами номер их билета или женский металлический голос произнесет их фамилию.

Когда-то в ночных, бурлящих жизнью аэропортах, на пахнущих дымом и скользим железом вокзалах и станциях люди знакомились. Они пили чай, прощались, плакали, влюблялись и теряли любимых навсегда. Люди же на космодроме сидели тихо, на всех головах кроме трёх блестящих очки и шлемы виртуальной реальности, так что формально многие из них сейчас были на врачебном консилиуме, совещании или на тропических островах.

– Я слышал, что рассматривали какой-то закон о свадьбах. Не думал, что все получится так серьезно... Зачем же запрещать, это только создаст лишний спрос.

– Ничего страшного, мой друг. Думаю, луна всем нам станет домом.

Мужчина прокрутил сияющий шлем в руках. Уставшее, небритое лицо улыбнулось оттуда ему в ответ.

– Если получится долететь. Я слышал, «Endal`S» не то чтобы сильно заботит посадка пассажиров. Только отправка...

– Вы о чем? Мне сказали, что безопаснее способа и придумать нельзя.

– Ни о чем не беспокойтесь... Это не более чем слухи, думайте позитивно и тогда всё будет хорошо. Я часто летаю и, как видите, со мной все очень даже в порядке.

Металлический голос пробурчал очередную порцию цифр с фамилиями.

– Вероятно, мне пора. Прощайте, друг мой, увидимся в космосе.

Мужчина встал, положил черный шлем на прозрачную скамью.

– Вы расслышали вашу станцию?

– Станция «Р». Удачи вам, ну и нам тоже.

За стеклянным куполом всю кипела подготовка. Люди в черной форме суматошно бегали из стороны в сторону, расправляли объятия несоизмеримо огромных экзоскелетов, забирались в них и, словно тараканы, разбегались вдоль бурлящего космодрома, вновь растворяясь в толпе. Их гнали вперед тысячи мерцающих неоновых фонарей.

К мужчинам робкой походкой подобралась женщина, обняла стоявшего из них под руку. Они отправились на пропускной контроль.

– Куда летите? Цель полета?

– На луну. Хочу пожениться.

– А почему не здесь? – Контроллер выглянула из окошка и посмотрела на спутницу. – Понятно. Можете проходить.

Они прошли через светящиеся металлические арки. Затем через ещё одни. Затем ещё. На КПП подошел офицер в черной парке с блестящей ракетой на груди. Он уставился им в спины.

– А это кто был? Еще одна парочка что ли?

– Ну да. Дураки, не могут, как все, себе супруга заказать. Сейчас любой магазин по любым параметрам соберет.

Их развели по белоснежным блокам, посадили в миниатюрные капсулы, формой скорее напоминавшие таблетки от мигрени, нежели космические аппараты, надели костюмы для того, чтобы давление не превратило их тела в лепешку, и отправили в полет.

Станция «P.Endal`S» работала по принципу огромной металлической катапульты. Щелчок и ты уже в открытом космосе.

– Дорогой, ты меня слышишь?

– Да, конечно. Ты что-то хотела? Тебе неудобно? Я бы сказал, если тебе что-то...

– Всё хорошо. Просто хотела спросить...

Буквально за долю секунды звук оборвался. Хлопок. Мужчина в костюме лежал в потухшей таблетке, прижавшись головой к блестящему борту. Капсула стремительно падала вниз. Тысячи других улетали к звездам.

В комнате управления полетом воцарилась тишина.

– Так. Кто забыл откорректировать курс на «Р» станции? Тут опять труп.

– Сер, кажется, Маузер, сер, – говорящий неуверенно зашепелявил, – Вы видели его сегодня утром, сер.

– Третий труп за неделю... Повезло этому дармоеду что вчера весь криптовалютный рынок обвалился. Может никто и не вспомнит... Капрал, Маузера мне в кабинет, живо.

Женщина же долетела благополучно. По прибытии на станцию, ей рассказали, что произошло на запуске. Какое-то время она была совершенно безутешна. Вскоре в рюкзаке мужа, что отправился с остальными вещами отдельно, обнаружили на бритве каплю крови мужчины. Брюнета. На основе его клеток создали клона.

Не торопясь прошел месяц. Незаметно пролетел второй. Женщина лежала на лунном песке в обнимку с мужем, пускала тонкие пальчики в его вьющуюся шевелюру и долго, нежно дышала в такое родное ухо.

– Дорогой, ты меня слышишь?

– Да, конечно. Что-то не так?

– Я всегда хотела спросить тебя, ты не против, если мы заведем немецкую овчарку? Настоящую, злющую, чтобы по венам текла кровь, и она лаяла, и надо было с ней гулять, и...

– Конечно не против.

Влюбленные, они лежали вдвоем, беседовали о новой неизвестной им доселе жизни и смотрели на Землю. На тающие, расплывающиеся по глазам теплом неоновые свечки таких далеких земных городов. Когда и эти свечки будут готовы потухнуть, чтобы на их месте загорелись новые?

Кислородное голодание

Солнце масляной краской застыло в зените. Подняв густое облако пыли, к книжному магазинчику подъехал небольшой блестящий электромобиль с приподнятым задом, издав очень напоминавший жука или маленькую, спрятавшую под панцирь лапки, черепаху. Из открывшихся створок электромобиля вылез мужчина, лет двадцати на вид в темно-сером матовом пальто и твердых массивных башмаках. Аккуратным движением руки он открыл почти беспросветно обклеенную брошюрами дверь и прошел внутрь, оставляя за собой мокрые следы весеннего чернозема. От легкого касания с дверью под потолком зазвенел алюминиевый колокольчик, и из каморки, недовольно ворча, выбежал юный краснолицый кассир.

Внутри вкусно пахло старостью, сыростью, тем маленьким патриархальным миром, что давно изжил себя, но никак не соглашался отправиться на заветный покой. Словно перевернутая страница истории, магазинчик опустел, потерял смысл и покрылся паутиной прошлого, из которой порой бывает так сложно выбраться.

– Чем я могу помочь вам, сэр? – мальчишка спрятал руки за спину и встал по стойке смирно, твердо упершись ногами в пол.

– Не думаю, что ты в состоянии помочь кому-то, – мужчина посмотрел на старую продранную рубаху на мальчонке, – Где старший? Ты можешь его позвать?

– Он сейчас занят и не может отвлекаться на посетителей. Извините, – юноша опустил глаза в пол.

– Ну что ж... Тогда сделай так, чтобы он смог отвлечься. Зачем ты тогда ещё нужен?

Уязвленный кассир что-то хрипло буркнул в ответ и убежал обратно в непроницаемый мрак каморки. Через несколько секунд оттуда послышались шаги. Быстрые и уверенные, они

приближались, становясь всё более и более гулками. Мужчина ждал, поглядывая через помутневшее окно на сверкающий асфальт. Морщины затянули его влажный от пота лоб. Всё это занятие ему явно было не по душе.

– Здравствуй. Снова к нам? Иногда мне кажется, что кроме тебя сюда вообще никто не ходит.

– Потому что так оно и есть, – немного грубо отозвался мужчина в пальто, – и мне нужен Шопенгауэр, Чоран и Кьеркьегор. побыстрее, если, конечно, можно.

Секунду поразмыслив, хозяин магазина бросил быстрый взгляд на стоявший за окном электромобиль, взял пластиковый стул и подошел к самой дальней полке от входа. Он поставил стул, со стоном взгромоздился на него и достал ту самую книгу, которую у него так невежливо попросили. Спускаясь вниз со злополучного стула, мужчина неудачно повернул ногу и, обхватив драгоценные книги обеими руками, упал на спину, прямо на то место, по которому еще недавно колотила его жена. Говорила же она, что нужно продавать эту лавку к чертям и ехать в центр, как все. Жаль, что он не послушался. А теперь-то и слушаться было некого.

Кто вообще придумал делать стулья из пластмассы? Они такие неудобные, скользкие и непрочные, что иногда кажется, словно производители специально хотят сократить число покупателей и при этом значительно потерять в социальном рейтинге.

– Простите за задержку... Вот ваши книги, – он протянул книгу дрожащей рукой, – с вас 0,1489 bitcoin пожалуйста.

Мужчина повел рукой вперед, переведя простым щелчком пальцев деньги на счет магазина.

– Скажите, почему до сих пор бумажные? Разве все вокруг еще не пересели на цифровые издания?

Мужчина неуверенно пожал плечами. На самом деле он и не представлял, что должен ответить на такой вопрос. В конце концов, разве это действительно важно? За его спиной стоял большой, покрытый пылью плакат. Мужчина обернулся, провел пальцем блестящую тропинку посреди серого лоснящегося покрова и поднес запачканный кончик пальца к носу. Да, некоторые вещи действительно вне всякого времени. После этого многозначительно сказал.

– Просто мне так нравится. Привык ощущать страницы пальцами. Можно даже сказать, что это своего рода фетиш.

– Забавно, я думаю, что мы последний «физический» книжный магазин в стране. Вот закроемся, и больше некому будет удовлетворять ваши "извращенные наклонности", – хозяин лавки тяжело вздохнул и медленно уселся на стул, дав понять собеседнику, что больше не намерен с ним болтать.

Дверь со скрипом отворилась, оставив колокольчик звенеть в никуда. Мужчина вышел наружу с книгой в руках. Осмотрелся, аккуратно перешагнул через распластавшуюся под ногами лужу и продолжил движение в сторону дороги. То, что было отдано минуту назад за книжку, он с легкостью добудет за час, хотя ему всё же придется некоторое время поднапрячь извилины и «поработать». Очередной рабочий день был в самом разгаре, что можно было сказать и об утрамбованном уличном воздухе, раскаленном до девичьего смущения прямыми солнечными лучами. Глаза не выдерживали окружающего блеска, так как все дома в городе были отделаны специальным стеклом, отражающим каждый блик. Приходилось постоянно моргать и отводить глаза. Всё это дико раздражало.

Мужчина прищурился и заслониł лицо рукой, чтобы увидеть хоть что-то, кроме бесконечного потока фотонов и, наконец, найти свою машину, спрятавшуюся жуком в стеклянных джунглях. Он провел пальцами по плоской ручке и дверь открылась. Электромобиль завелся. Теперь предстояло проехать несколько километров, прежде чем появится возможность выбраться на автотрассу и только через пару часов доехать до того загородного домика, в котором и жил загадочный книжный покупатель.

Ошалевшие от бесконечных криков люди суматошно разбежались по улицам, поглядывая по привычке на невидимые наручные часы и размышляя, в каком месте им будет лучше поужинать этим вечером. Жизнь в городе скорее напоминала безумный цирк, надежно сокрытый под куполом неба, в котором даже зритель должен бежать, прыгать и исполнять сумасшедшие кульбиты. Все в нем безостановочно спешат, боятся опоздать жить, то и дело, поглядывая на оголенные предплечья.

Технология по вживлению биологических часов в младенцев была придумана всего несколько лет назад одним австралийским ученым, чью фамилию уже никто не помнил. Во время первых месяцев беременности, каждому эмбриону вживляют особый ген, который проявляется годам эдак к пяти, когда у ребенка возникают первые признаки осознанного мышления. Смысл такого усовершенствования заключается в том, что любой человек всегда может узнать, сколько сейчас времени, лишь на мгновение подумав об этом. Однако у такого весьма полезного в безумном городе свойства есть и свои недостатки, а если выразаться точнее, то есть побочный эффект: постоянно, словно по привычке, вы будите смотреть на правую руку, как бы сверяясь со временем, которое вы и так никогда не забудете.

Думаю, не стоит говорить об индустрии изготовления часов, которая лишилась всего прежнего величия так же просто, как и современный перевод денег. Щелчком пальцев.

Деньги. Не слукавлю, если скажу, что такое слово в принципе исчезло из обихода уже давно, ещё до последней миротворческой войны. Теперь все говорят «уни», ну или на крайний случай просто «токен». Людям так проще. Они больше не чувствуют связи с прошлым, им не обязательно говорить «деньги», они просто двигаются вперед семимильными шагами и стараются как можно чаще не оглядываться назад. Люди. Деньги. Колесо. Всё смешалось в один неудержимый огненный ком, Солженицина.

Стеклянные здания хаотично сменяли друг друга, сливаясь в одну бесконечную зеркальную стену. В электромобилях класса "С" уже много лет не устанавливали радио. Это совсем не удивительно, так как число рабочих радиостанций было незначительным, и слушали их в основном старики, не способные адаптироваться к новым технологиям или ездить на современных автомобилях. В кабине на переднем пассажирском сиденье было одно такое черное устаревшее устройство, настроенное на волну, по которой пускали в основном записи интернет эфиров. Из тихих динамиков вещал диктор.

– Доброго всем времени суток, дамы и господа. Сегодня у нас в гостях герой Войны, кавалер ордена "Фронт" и просто хороший парень Гарри Брайт.

– Этот человек двадцать лет назад спас от, фактически, погребения под огненным грибом целый город, договорившись с командованием об отмене баллистического удара по Сан-Фатто.

– Сейчас Гарри занимается благотворительностью и помогает людям в сложных жизненных ситуациях, создает объединения позволяющие добывать unicorn людям... простите, детям из неблагополучных семей. Создавая для них крипто-заводы и фабрики по образованию.

– Привет Гарри, расскажи нам, пожалуйста, про те события, которые запомнились тебе на войне. Расскажи не о тех ужасах, что пережил ты и многие твои друзья, а о чем-нибудь хорошем, товарищеском, что будет интересно нашим слушателям.

– Уааа... Оина е еиыт о ооие ееты...

– Забыл предупредить вас, дамы и господа: у нашего сегодняшнего гостя нет нижней челюсти. Не вдаваясь в ужасающие подробности, можно сказать что потерял он ее во время войны. Тогдашняя медицина, к сожалению, ни чем не смогла помочь...

– Скажите, это правда, что часть тех токенов, которые вырабатывают дети на ваших предприятиях, вы оставляете себе?

– Уа уаааую. Я оэу а ооосы...

– Да, да Гари, конечно. Мы с моим соведущим понимаем ваше состояние, но вынуждены прервать эфир, поскольку...

– Поскольку сегодня в 13:00, как и всегда в нашем специальном репортаже вы можете ознакомиться с самыми свежими новостями.

– Ооуцыыкаа. Уа уууау аоласа!

Мужчина выключил радио. Электромобиль послушно двигался через город вдоль стеклянных домов и неоновых вывесок, занимавших большую часть видимого пространства. Позади водителя смиренно сидел молодой зеленый кактус, бережно прикрепленный ремнями безопасности к сидушкам. На нем был бежевый рельефный горшок, полный свежей блестящей от влаги земли и крошечные, размером с половину зубочистки, иголки. Растение свыкло с цивилизацией и уже около месяца, как являлось главным и, по правде говоря, единственным живым спутником водителя.

Мужчина нежно начал проворачивать штурвал для обгона огромной фуры, что ехала перед ним и заметно замедляла его продвижение к цели. Колеса свернули в бок и стали вращаться гораздо быстрее. Всё шло гладко, без помощи водительского ИИ. После очередного поворота, установленные сзади фуры солнечные батареи решили сменить угол к солнцу на максимально прямой и по чешуйке стали оборачиваться навстречу лучам. Вдруг, один пучок света отскочил в сторону, прямо в лицо водителя.

Штурвал беспорядочно мотался то по часовой, то против, не давая мужчине возможности хоть как-то исправить ситуацию и уйти от столкновения. На панели замигала красная лампочка, предупреждающая, что весьма неудивительно, об опасности столкновения. Прошла секунда, лампочка погасла, и, успокоившись, электромобиль снова взял себя в руки. Он спокойно и уверенно обогнал фуру, встроился перед ней и, как ни в чем не бывало, продолжил движение по гладкой переливающейся дороге.

На дороге произошла авария. Люди металась туда-сюда. Какой-то мужчина кинулся на другого, что бывает достаточно часто. Однако в этот раз в драке сошлись не просто две кожаные боксерские груши, а целые слои населения. Бедняк дрался с богачом, богач дрался с бедняком. Ничего больше Аллен углядеть не успел.

– *В следующий раз будьте осторожнее,* – холодно прозвенел металлический голос из руля. – *До пункта назначения 1 час 49 минут.*

– Черт... Я так устал. Проложи курс до бара Мэг. Надо промочить глотку, прежде чем садиться за книги.

– *Курс проложен. Удачного пути, Аллен.*

И когда этот мир успел сойти с ума? Гости интервью, которые не могут говорить, блестящие машины, дома, дороги, блестящее всё. Единственное средство, которое поможет справиться с этим солнечным жарким днем – алкоголь. Ну, еще возможно сигары. Ну и хорошая компания, отличная от колючего растения. Мужчина развернулся назад, бросил быстрый взгляд на кактус и, успокоив свое нутро, повернулся лицом к дороге. Растение было по-прежнему невредимо и все так же неразговорчиво.

Через двадцать с лишним минут Аллен без происшествий добрался до бара его старой знакомой, в котором он бывал, как говорится, редко, но метко. В последний раз его вытащили оттуда силой, потому что он предложил зажарить коту хозяйки и попробовать уже, наконец, тот деликатес, который всем пришелся по душе на востоке. Говоря откровенно, это было абсолютно дурацкой идеей сразу по нескольким причинам. Во-первых, это был самый любимый питомец мужа Мэг. Муж не отличался разговорчивостью или сообразительностью, но был добр к окружающим и очень любил всяческих животных. Ну и во-вторых, эта животина на 10% состояла из шерсти, на 85% из кремниевых имплантатов и на 5% из чистой ненависти ко всему человеческому роду и их изобретениям, а потому была банально непригодна к употреблению.

Створки электромобиля разошлись с характерным свистящим металлическим звуком, и на свет божий вылез всё еще запачканный в черноземе башмак водителя. Бар располагался на двадцатом этаже. Изнутри здание состояло преимущественно из стекла и железа, а по своей

структуре больше напоминало многоуровневый пчелиный улей из множества и множества ячеек.

Звонок. Щелчок.

Лифт раскрыл свои стальные объятия, и чумазые башмаки выбрались наружу. В баре было полно народу: парни с философского, те новенькие с филфака, какие-то незнакомые танцовщицы, нанятые для развлечения толпы, и собственно толпа. Хаотичная. Кричащая. Жажущая алкоголя и электронной музыки. Все были заняты каким-то делом.

За стойкой стояла Мэг. Она методично потирала стаканы, проводя тряпочкой по всему их объёму изнутри и снаружи. За ней метрах в двух, словно окаменевший, стоял ее муж, превосходивший её в длину и ширину в два или три раза. Мэг было 16. Никто понятия и не имел, как у неё в столь юном возрасте появился супруг и своё питейное заведение, но у глупых людей редко такое получается. Аллен подошел к стойке, в три ряда уставленной бокалами и разноцветными бутылками.

– О, сколько долгих дней я не видел эти розовые нежные щечки. Ты сегодня так прелестно выглядишь.

Он наклонился вперед и изобразил что-то на подобии улыбки.

– Чего ты сюда приперся? Забыл, что было в прошлый раз?

– И тебе добрый день, Мэган, – он положил руки на стойку. – Плесни мне чего-нибудь выпить.

– Ты издеваешься? После твоей прошлой выходки я все выходные потратила в никуда, убирая отовсюду стеклянные осколки.

– Да ладно тебе. У меня завтра очень ответственный день и моя голова взорвется, если ты не опустошишь её содержимое алкоголем и... своей красотой, разумеется.

– Какой же ты все-таки мерзкий, – она тяжело вздохнула и отвела взгляд. – Черт с тобой. Держи...

Она достала из-под стойки бутылку и поставила перед собой.

К бару плывущей походкой подобрался человек. Хотя, откровенно говоря, человеком его тоже можно было назвать лишь с натяжкой, а напоминал он скорее рыбу, безрезультатно пытающуюся плавать в масле. Мэг обратила свое внимание на него.

– Вам чем-то помочь, сэр? Поднесите руку к монитору, и я вас посчитаю.

– Просто дай бутылку самого дорогого пойла, что ты найдешь в своем заглазнике.

– Сэр, мы не можем продавать вам крепкий алкоголь. Вы ведь и сами это знаете. У вас низкий социальный рейтинг.

– Дай мне эту проклятую бутылку, дрянь. Ты... ты и твой хахаль-бугай нарветесь на проблемы.

– Давайте, обойдемся без угроз. Вы можете купить что-то не такое крепкое, или, например, попросить молодого человека совершить покупку за вас.

Она кивнула в сторону мужчины в больших грязных башмаках. Она постепенно теряла терпение.

– Я не собираюсь ни у кого ничего просить! Живо дай мне бутылку!

– Сэр, я вынуждена попросить вас покинуть помещение.

Пьяный сэр сунул руку в карман и достал оттуда что-то среднее между звуковой колонкой и фаллоимитатором. Он нажал на кнопку, и устройство издало сильный, абсолютно не переносимый импульс, по действию, очень напоминавший глушилку для старых телефонов. Все в баре схватились за головы. Ну, вернее, почти все.

Миниатюрные материнские платы, вшитые в голову и позволявшие, собственно, «майнить» через нервную систему были самым распространенным источником дохода среди населения всего мира. Грубо говоря, на их вычислительной мощности и строился весь тот сложный механизм общественно-экономического взаимодействия. Каждый человек – микроскопиче-

ская опора хаотичной системы, не позволяющая всему разрушиться в определенный момент. Разве это не прекрасно?

Люди кричали и падали на пол. Они роняли стеклянные столы вместе со стеклянными бутылками, разбивали их об пол и разбивались сами. Кто-то катался взад-вперед колбаской, сдавливая голову, как грецкий орех. Кто-то суматошно бегал из угла в угол, пытаясь спрятаться, слинять от этого невыносимого звука куда угодно. Однако панике поддались не все. Изза стойки спокойно и невозмутимо вышел муж Мэган, схватил незадачливого Сэра за руку и со всей силы стукнул об его голову его же рукой. Хладнокровно расправившись со злодеем, он вытащил из его дрожащей руки устройство и буквально зубами привел его в негодность.

Как же иногда приятно и полезно иметь под рукой человека, необремененного интеллектом. Мужа Мэг звала героически смешно – Dmitry. Достаточно редкое и интересное имя, действительно внушающее доверие. Вы слышите такое имя и почему-то сразу думаете: «Хм, этому человеку наверняка можно доверять» или «Хм, наверняка он верный и надежный муж». Не стоит, конечно, углубляться, но полезно знать, что этому человеку не вживили материнскую плату для обработки блоков, так как он в свое время слишком сильно увлекался футболом, и стал, как говорится, «особенным». Ну а что, футбол – контактная игра. Особенно если толпа каждый раз жаждет всё большего контакта между игроками. Так было всегда, еще даже до той забавной реформы, когда вратарей, поймавших мяч, разрешили запинывать до смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.